

УДК 821:111(091)

ПО ЛОНДОНСКИМ МАРШРУТАМ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ

Алексей Владимирович Соснин

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород

603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12. alexsosnin@mail.ru

Елена Александровна Ситникова

старший преподаватель кафедры иностранных языков

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» – Нижний Новгород

603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12. ea_sitnikova@bk.ru

Написанная в форме виртуальной экскурсии, статья знакомит читателя с топографией Лондона Вирджинии Вулф: города реального, непосредственно связанного с ее жизнью и творчеством, и города литературного – такого, каким он предстает в ее произведениях. Используемый в статье «экскурсионный» подход основан на методологии русских историков и краеведов И. М. Гревса и Н. П. Анциферова. Читателю предлагается совершить четыре прогулки: по Кенсингтону, Блумсбери, по лондонским маршрутам миссис Дэллоуэй и по Ричмонду. Попутно дается обширный литературоведческий и социокультурный контекст. Статья выполнена в русле проводимого авторами исследования лондонского текста английской литературы (глобального надтекстового единства, включающего в себя все признаки конституирующих текстов).

Ключевые слова: Лондон; топонимы; Вирджиния Вулф; городской текст.

Улицы и здания Лондона были для Вирджинии Вулф больше, чем просто домом. Они были для нее источником жизненной силы, которую она пыталась привнести в свои романы. Произведения В. Вулф проникнуты духом Лондона; этот город значил для нее так же много, как Дублин для Джеймса Джойса или Париж для Марселя Пруста. «Лондон постоянно привлекает меня, стимулирует, щедро дарит мне пьесу, рассказ или стихотворение, когда я отправляюсь гулять по его улицам», – записала В. Вулф в дневнике 31 мая 1928 г. [Вулф 2009: 163].

Вулф предпочитала исследовать Лондон во время пеших прогулок или созерцать его с верха двухэтажного автобуса – совсем, как миссис Дэллоуэй в одноименном романе: «Как-то Кларисса, когда они [с Питером Уолшем] ехали вместе в автобусе, наверху, – Кларисса, у которой в те времена стремительно менялось настроение – то она в отчаянии, то сияет, и вечно как натянутая струна, – и всегда с ней бывало так интересно, она примечала забавные сценки, людей или вывески из автобуса, когда они колесили по

Лондону и набирали, бывало, полные сумки со кровищ на Каледонском базаре» [Вулф 1989].

Вулф подолгу гуляла вдоль Темзы и путешествовала из респектабельной западной части Лондона в бедную восточную – от своего дома в Блумсбери (*Bloomsbury*) до Лондонского Тауэра. Подобно Мартину Парджитеру из романа «Годы», она останавливалась на полпути, чтобы полюбоваться собором св. Павла: «Он пересек проезжую часть и встал, прислонившись спиной к витрине магазина, глядя вверх на огромный купол. У него было удивительное чувство, будто составные части его тела пришли в движение и, сложившись заново – в соответствии с гармонией здания, – замерли. Эта перемена пропорций восхищала его» [Вулф 2005: 231].

Итак, Вирджиния Вулф ходила по Лондону без усталости и часто встречалась со своими друзьями и знакомыми вне дома – как будто бы весь Лондон был ее гостиной! В Гордон-сквер-гарден (*Gordon Square Garden*) она обменивалась новостями и слухами с Джоном Мейнардом Кейнсом¹, в Грин-парке (*Green Park*) – с Клайвом

Беллом², а в Кью-гарденс³ (*Kew Gardens*) – с Ол-досом Хаксли.

Персонажи из романов Вулф местом для разговора и размышлений тоже часто выбирают прекрасные зеленые парки и скверы Лондона. В «Комнате Джейкоба» главный герой после возвращения из Греции беседует со своим другом Бонами в Гайд-парке (*Hyde Park*); в «Миссис Дэллоуэй» Летиция и Уоррен Септимус Смит сидят на скамейке в Риджентс-парке (*Regent's Park*) – там же, где на скамейке засыпает Питер Уолш, а Кларисса предаётся воспоминаниям в Сент-Джеймс-парке (*St. James's Park*).

Вирджинию Вулф воодушевляли блеск витрин и толкотня на Оксфорд-стрит (*Oxford Street*), равно как и сосуществование рынка и элитарной культуры в Ковент-гардене (*Covent Garden*), где она обедала в «Плюще»⁴ и ходила на представления в Ройал-опера-хаус (*Royal Opera House*). В романе «Годы» есть эпизод, в котором Китти Лассуэйд в блестящем вечернем платье едет в оперу; любопытно, что место действия, Ковент-гарден, такое же, как и в начале пьесы «Пигмалион» Дж. Б. Шоу, а время и обстановка тоже практически совпадают⁵: «Автомобиль замедлил движение. <...> По тротуарам шествовали мужчины и женщины в вечерних нарядах. Маневрируя между тележками уличных торговцев, они чувствовали себя смущенно и неудобно, со своими высокими прическами и выходными манти, петлицами и белыми жилетами <...>. Дамы неловко ковыляли на высоких каблуках, то и дело поднося руки к прическам. <...> Грузчики с рынка Ковент-Гарден, невзрачные мелкие клерки в будничной одежде, грубые женщины в фартуках глазели на нее [Китти]» [Вулф 2005: 185]. Война и активная застройка Лондона привели к исчезновению продуктового рынка в Ковент-гардене. На его месте теперь располагается небольшой торговый пассаж. Однако в Ройал-опера-хаус все по-прежнему: русалки, украшающие ложи, и астрономические цены на билеты.

Несмотря на страстную любовь к родному городу, В. Вулф приходилось проводить много времени за его пределами. Леонард Вулф, муж Вирджинии, по совету врачей периодически вывозил ее за город, когда у нее случались душевные расстройства. В. Вулф, вероятнее всего, страдала биполярным психозом или маниакально-депрессивным расстройством, а лекарств от этой болезни к тому времени еще не изобрели. Врачи же считали, что депрессия и попытки самоубийства писательницы проистекали от «перевозбуждения» городской суетой. Последние шесть месяцев своей жизни – после разрушения немецкими бомбами дома семьи Вулф в Лондоне – Вирджиния и Леонард провели в восточном

Сассексе, где измученная борьбой с приступами безумия и потрясенная разрушением Лондона, этого «сокровенного сокровища»⁶, писательница покончила с собой.

Однако, к счастью исследователей творчества Вулф, тот Лондон, в котором она жила и который описала в своих романах, в основном сохранился после бомбежек Второй мировой войны и катастрофической реконструкции города⁷. В настоящей статье вместе с В. Вулф мы совершим четыре прогулки по ее Лондону. Доскональное знание места, где создавалось литературное произведение, безусловно, играет далеко не последнюю роль в его понимании, и, наоборот, сквозь призму литературы полнее раскрывается само место⁸. Целесообразность структурирования материала в форме литературоведческих и культурологических прогулок основана на следующих предпосылках:

1. «Экскурсионный» метод в изучении города и городских текстов был предложен русским историком и краеведом Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941) и в дальнейшем развит культурологом и краеведом Николаем Павловичем Анциферовым (1889–1958). Экскурсии ценились Гревсом и как неотъемлемая составляющая общего образования, и как «необходимый вид исторического семинария», поскольку благодаря им открывается возможность «идти навстречу подлинным следам мировой культуры» [Гревс 1910: 24]. В работах Анциферова, писавшего о Петербурге, образ Северной столицы формируется из образов отдельных районов, улиц, домов, садов и парков. Исследователь составлял очерки-экскурсии по определенным маршрутам (в т. ч. литературным), и читатели могли пользоваться этими очерками как путеводителями. Как вспоминает академик Д. С. Лихачев, Анциферов пропагандировал пешие прогулки и всегда представлял своих читателей гуляющими по описываемым им местам. Он выбирал обзорные точки и изучал открывающиеся перспективы с позиций прошлого и настоящего, будучи уверенным, что эти временные планы неразрывны [Лихачев 2001: 560]. Анциферов называл город «одним из сильнейших и полнейших воплощений культуры», «одним из самых богатых видов ее гнезд». В эту городскую культуру он призывал погрузиться, «лучше ее разгадать, слиться с нею теснее», а «хождение по ее памятникам» он называл «специфически дорогим делом», когда «хочется особенно жгуче проникнуть в тайну того, что они говорят» [Анциферов 1991: 6].

2. Топонимы являются организационными центрами сюжетных событий литературного произведения и определяют его художественное

единство в отношении к реальной действительности. В этом смысле уместно вспомнить термин М. М. Бахтина *хронотоп*, который определяется им как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [Бахтин 1975: 234]. Хронотоп связан с элементами авторской тенденциозности в литературном произведении, с узнаваемостью в нем конкретного исторического времени и места, а также событий. По мнению Бахтина, образ человека в литературе всегда хронотопичен, а искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями [там же: 235].

3. Топонимы могут рассматриваться как прецедентные имена, т. е. имена, характеризующиеся массовой воспроизводимостью и влекущие за собой цепочки ассоциаций. Они отсылают читателя, в самом широком понимании, к сверхтексту культуры, в более узком смысле – к городскому (в нашем случае – лондонскому) тексту, т.е. надтекстовому единству, включающему семантические признаки всех текстов о данном городе, и, наконец, к корпусу текстов конкретного писателя. В последнем случае можно говорить о топонимах литературных произведений. Топонимы и вообще имена собственные довольно часто берут на себя роль интертекстуальных отсылок, что обеспечивается наличием у них большего количества признаков по сравнению с именами нарицательными. Топонимы обладают большим количеством потенциально актуализируемых признаков, необходимых для интертекстуальной отсылки.

4. Приращение смысла лондонских топонимов в литературе свидетельствует о принципиальной установке лондонского текста на отсылку, прецедент, на создание сложных композиций по типу коллажа и трактовку литературных персонажей наряду с реальными лицами. Как справедливо замечает нижегородский исследователь семантики и семиотики А. Е. Бочкарев, к высказываниям литературного текста неприменимы правила «онтологической», «бытийной» истинности и ложности [Бочкарев 2003: 40]. Например, высказывание «Элизабет Дэллоуэй садится в автобус на Виктория-стрит и едет по Уайтхоллу и Стрэнду до Чансери-лэйн» ложно с точки зрения референции к реальной, «онтологической» действительности, поскольку таких людей никогда не существовало. Однако в «системе исчисления» творчества В. Вулф это высказывание истинно, поскольку оно характеризует реальное состояние, в котором пребывают персонажи в семантическом универсуме писательницы. Вулф безусловно является каноническим автором, а ее тексты, соответственно, важными конституента-

ми глобального контекста «английскости» и более узкой ее манифестации – лондонского текста. Исходя из этого вымышленные ею герои и их состояния так же приемлемы и «реальны» для лондонского текста, как и «бытийные» высказывания по типу «Мэйфер – район Лондона».

Прогулка первая. Кенсингтон SW7 (Станция метро «Хай-Стрит Кенсингтон»)

Племянник В. Вулф и ее биограф Квентин Бэлл относит ее семью к низшей ступени верхушки среднего класса. Среди предков В. Вулф были юристы, государственные служащие, писатели и легендарные викторианские красавицы, которые вдохновляли художников и весьма выгодно выходили замуж. Отец Вирджинии сэра Лесли Стивен, влиятельный литературный критик конца XIX в., принадлежал к «интеллектуальной аристократии», многие представители которой выбрали своим местом жительства Кенсингтон. Этот район является частью одного из 32 районов Большого Лондона, имеющих некоторые права самоуправления (*borough of Kensington and Chelsea*). Кенсингтон непосредственно связан с английской монархией. В XVII в. для короля Уильяма III и королевы Мэри II был построен Кенсингтонский дворец. В этом дворце родилась принцесса Кентская Виктория, будущая королева; в нем же однажды в 1837 г. ее разбудили, чтобы объявить, что она унаследовала престол. Впоследствии королева Виктория даровала Кенсингтону статус «королевского района» (*royal borough*). Жить в Кенсингтоне (особенно в его южной части) считается престижным, а недвижимость там стоит очень дорого. Кенсингтон известен своими музеями: среди них нельзя не упомянуть музей науки и естественной истории, а также музей Виктории и Альберта (во времена В. Вулф известный как музей южного Кенсингтона).

Если идти от станции метро по Кенсингтон-хай-стрит (*Kensington High Street*) направо, то она перейдет в Кенсингтон-Роуд (*Kensington Road*) у южной границы Кенсингтон-гарденс (*Kensington Gardens*), одного из пяти королевских парков. Этот парк сыграл такую же большую роль в детстве и творчестве В. Вулф, что и Елисейские сады в произведениях М. Пруста. От Кенсингтон-роуд ответвляется несколько тупиковых улочек. Если повернуть направо на Гайд-парк-гейт (*Hyde Park Gate*), то на мемориальных досках на домах можно прочесть, что здесь когда-то жили английская романистка и драматург Инид Бэгнольд (*Enid Bagnold*), основательница бойскаутов Роберт Баден-Пауэлл (*Robert Baden-Powell*) и – в доме № 22 – сэра Лесли Стивен. Однако нет упоминания о том, что 25

января 1882 «в том очень высоком доме по левую сторону улицы ближе к ее концу, построенном из красного кирпича и оштукатуренном только снизу, <...> таком ветхом, что, кажется, сильный ветер его опрокинет» [Woolf 1976a: 65] у Лесли и Джулии Стивен родилась дочь Вирджиния. Она прожила в этом доме до 22 лет – все свое счастливое викторианское детство и юность, омраченную смертью матери и сложными отношениями со старшим братом.

На основе воспоминаний В. Вулф, собранных в книге «Моменты бытия», которая была издана в 1976 г., спустя много времени после смерти писательницы, представляется возможным восстановить, что происходило в те годы в доме № 22 по Гайд-парк-гейт, и провести аналогии со сценами в главе «1880» из романа «Годы».

В доме Стивенсов было много комнат – для родителей, восьми детей и многочисленной прислуги. Интерьер комнат был по-викториански мрачным: газовое освещение, дубовые панели и тяжелые бордовые портьеры. Как вспоминает Вулф в эссе «Очерк прошлого» из «Моментов бытия», «в пять вечера в гостиной на первом этаже отцу нужно подавать чай» [ibid: 84]. В романе «Годы» чаепитие семьи Парджитеров, возглавляемое отцом, полковником Парджитером⁹, описывается следующим образом: «Он допил чай. Несколько капель упало на его остроконечную бородку. Полковник достал большой шелковый носовой платок и торопливо вытер подбородок. Элинор, сидя на своем низком стуле, заметила странный взгляд сначала в глазах Милли, а потом – Делии. Похоже, между ними есть какая-то неприязнь. Но они не сказали ни слова. Все продолжали есть и пить, пока полковник, подняв свою чашку, не увидел, что она пуста, и не поставил ее твердо на блюдце, слегка звякнув. Церемония чаепития была окончена. <...> Где-то есть красота, – думала Делия, – где-то есть свобода...» [Вулф 2005: 17–18]. О недовольстве в семье Парджитеров также свидетельствует всеобщее раздражение по поводу старого чайника, который никак не закипит.

Непослушная маленькая Роза Парджитер тайком выбирается из детской, расположенной на втором этаже и, несмотря на запрет ходить одной, направляется в магазин миссис Лэмли. В доме Стивенсов детскую переделали в комнату для занятий Вирджинии, когда она подросла. Там за столом с наклонной крышкой она зубрила греческий и делала первые пробы пера.

На следующем этаже располагался уставленный книгами кабинет отца Вирджинии. Из его окон открывался прекрасный вид на Кенсингтон. Еще выше были тесные спальни для слуг. Большую часть дня они проводили в полуподвале

дома, где располагалась кухня и комната для прислуги. В сцене из главы «1913» романа «Годы», навеянной продажей дома детьми Лесли Стивена и осознанием В. Вулф социальных несправедливостей викторианской эпохи, Элинор Парджитер, которая собирается продавать дом, устыдится перед агентом по недвижимости мистером Грайсом тех условий, в которых у них жила прислуга: «Думаю, во всяком случае, вы будете рады наконец выбраться из полуподвала», – сказала Элинор, опять обращая взор на переднюю. Она никогда не замечала, какое это темное и низкое помещение, пока, взглянув на него вместе с «нашим мистером Грайсом», не устыдилась» [там же: 220].

Два раза в день Виктория с братьями и сестрами ходила гулять в Кенсингтон-гарденс – свое излюбленное место для игр¹⁰. У них было два основных маршрута. Ближайший вход в парк, Куинс-гейт (*Queen's Gate*), находится по другую сторону улицы, от которой отходит Гайд-парк-гейт. Если после входа в парк мы повернем направо, то вскоре окажемся у Альберт-мемориала (*the Albert Memorial*), величественного памятника, воздвигнутого королевой Викторией в память о своем муже. От Альберт-мемориала пройдем на широкую аллею Роттен-роу (*Rotten Row*), вымощенную гравием, – там до сих пор гарцуют всадники, как в главе «1914» романа «Годы»: «Начиналось шествие через ворота¹¹ в парк. Все выглядело празднично. <...> По Роттен-роу легким галопом двигались всадники; они доезжали до конца, осаживали лошадей и поворачивали обратно. Ветер дул с запада, неся по небу белые облака с золотистыми прожилками» [Вулф 2005: 242].

Другой расположенный рядом с Гайд-парк-гейт вход в парк – это Пэлэс-гейт (*Palace Gate*) на Глостер-роуд (*Gloucester Road*). Оттуда круто повернем направо на Флауэр-уок (*the Flower Walk*), посыпанную ракушками аллею. В «Очерке прошлого» В. Вулф вспоминает, как она любила с хрустом их давить, когда была маленькой [Woolf 1976a: 76]. Век спустя ракушки по-прежнему хрустят под ногами.

Вернемся назад к входу в парк и пойдем вверх по аллее Брод-уок (*the Broad Walk*), откуда открывается прекрасная панорама парка. Слева будет Кенсингтонский дворец, а справа – Круглый пруд (*the Round Pond*). Как Мартин Парджитер в главе «1914» романа «Годы», предадимся созерцанию ландшафта: «Он был удивительно гармоничен. На фоне зеленого берега выделялась белая статуя королевы Виктории, за ней высилась краснокирпичная стена старого дворца; призрачная церковь¹² устремила свой шпиль в небо, а Круглый пруд сиял голубизной. На нем соревно-

вались яхты. Суденышки накренились так сильно, что паруса касались воды. Дул легкий ласковый ветерок» [Вулф 2005: 17–18]. В наши дни дети по-прежнему пускают кораблики в пруду, а зимой катаются по нему на коньках.

За прудом находится Серпантин (*the Serpentine*) – водоем, проходящий по парку диагонально. В той же главе Мартин едет через Серпантин на большой прием на Гроувнер-сквер (*Grosvenor Square*) в Мейфере (*Mayfair*): «Вода отражала закат, и одновременно ее освещали неровные лучи фонарей. Композицию завершал белый мостик. Экипаж въехал под тень деревьев и присоединился к длинной веренице экипажей, двигавшихся к Мраморной арке. Люди в вечерних нарядах направлялись в театры и на приемы. <...> Все выглядело празднично» [там же: 254].

После смерти родителей вымышленные Парджитеры переехали из Кенсингтона в другие районы Лондона, соответствующие занятому ими социальному положению. Мартин – в модный Челси, его кухня Китти, которая вышла замуж за лорда, – в Мейфер, а его племянница Мэгги со своим мужем французом – в Вестминстер, на одну из мрачных улочек под сенью Аббатства. Сара, «потерянная душа», находит себе пристанище в трущобах на берегу Темзы, а Делия, которая выходит замуж за ирландского землевладельца, уезжает в Ирландию и всегда, когда возвращается в Лондон, устраивает семейные вечера в своем доме, который наполовину сдан под различные конторы. Этот дом похож на дом №52 по Тэвисток-сквер (*Tavistock Square*) в Блумсбери, в который Вирджиния и Леонард Вулф переехали с издательством Хогарт-Пресс (*Hogarth Press*) 9 января 1924 г.

В 1904 г. после смерти Лесли Стивена его дети уехали из Кенсингтона навсегда. 23 октября 1918 г. В. Вулф напишет в своем дневнике: «... Переехав из Кенсингтона в Блумсбери, мы перешли целую пропасть между уважаемым существованием в летаргическом сне и жизнью более трудной, даже, возможно, жестокой, но настоящей» [Woolf 1979: 206]¹³. Действительно, хотя будущие участники кружка «Блумсбери» и выросли в викторианских семьях, принадлежащих к высшей ступени среднего класса, против родительской уважаемости они подняли что-то вроде мятежа, отстаивая идеи «современного» искусства (из которого развился модернизм) и артистического отношения к жизни. Настольной книгой для блумсберийцев стали вышедшие в 1919 г. «Знаменитые викторианцы» Литтона Стрэчи¹⁴ – «глумливая история викторианской морали и уважаемости. То был великий водораздел: после выхода этой книги

оставалось признать, что викторианская эпоха подошла к концу» [Брэдбери 2002: 259].

Прогулка вторая. Блумсбери WC1 (Станция метро «Тоттнем-Корт-Роуд»)

Спустя более чем 60 лет после смерти В. Вулф район Блумсбери очень коммерциализовался за счет ее имени. Потребительский спрос на мемуары, биографии, критические эссе, критические очерки, театральные постановки и художественные фильмы не иссякает. Имя В. Вулф везде: на футболках, канцелярских товарах и в названии кафе «Virginia Woolf's Bar & Bistro» на Рассел-сквер (*Russell Square*) – оно стало брендом на массовом рынке.

Посмотрим на карту Лондона. На севере Блумсбери ограничен Юстон-роуд (*Euston Road*), на юге – Нью-оксфорд-стрит (*New Oxford Street*), на западе – Тоттнем-корт-роуд (*Tottenham Court Road*) и на востоке – Грейс-инн-роуд (*Gray's Inn Road*). В то время, когда молодые Ванесса, Вирджиния, Тоби и Адриан переехали в Блумсбери, этот район считался слишком богемным и совсем не уважаемым по сравнению с Кенсингтоном.

Блумсбери представляет собой маленькую, но очень важную нишу в истории английской культуры. В этой части Лондона сформировалось сообщество интеллектуалов и творческих людей, роль которого в Великобритании вплоть до 40-х гг. XX в. сравнима с ролью интеллигенции на Континенте. Оно получило название кружок «Блумсбери» (*the Bloomsbury Group*). На встречах выпускников Кембриджа (Э. М. Форстер, Дж. М. Кейнс, Л. Стрэчи, К. Белл, Р. Фрай и др.) в доме на Гордон-Сквер (*Gordon Square*), которые проходили по вечерам в четверг в 1950-е гг. за кофе, булочками и виски, постоянно рождались новые идеи и теории. Исследователь творчества Вулф Е. Ю. Гениева, в частности, упоминает о том, что «новичку, впервые попавшему на вечеринку в Блумсбери, могло сделаться не по себе. Молодому Д. Г. Лоуренсу в какой-то момент показалось, что он сходит с ума от нескончаемых бесед, за которыми коротали время за всегдатаи Блумсбери, отточившие свои умы и языки в ежевечерних словесных баталиях» [Гениева 2004: 5–6]. Впоследствии в автобиографическом очерке «Старый Блумсбери», включенном в «Моменты бытия», В. Вулф напишет, как трудно было запомнить и записать хотя бы что-то из них: «Разговоры, даже такие интересные и важные, неуловимы, словно дым. Он улетает вверх по трубе, и вот его уже нет!» [Woolf 1976b: 165].

Дух старого Блумсбери, запечатленный Вулф в своем очерке, который она впервые прочитала

своим друзьям в 1922 г., все еще можно почувствовать, пройдя по улицам района.

От станции метро «Тоттнем-корт-роуд» поднимемся по Нью-Оксфорд-стрит до Блумсбери-стрит – центральной улицы целого маленького мира, в котором расположены Лондонский университет, Королевская академия драматического искусства, Британский музей, а также целый набор магазинов, картинных галерей, книжных лавок, ресторанов и пабов. Как писала В. Вулф во второй главе эссе «Своя комната», «...на улицах рядом с музеем <...> прямо на асфальте лежали сваленные грудой коробки со скарбом итальянского или швейцарского семейства, захавшего в Блумсбери то ли в поисках счастья, то ли просто перезимовать. Со всех сторон неслись выкрики торговцев. Одни кричали наперебой, предлагая свой товар, другие пели. Лондон был похож на цех...» [Вулф 2012а: 474–475].

Пройдем два квартала вверх по Блумсбери-стрит и свернем на Грейт-Рассел-стрит (*Great Russell Street*). В поле зрения сразу попадают ворота Британского музея, в котором находится одно из самых больших собраний древнего искусства, включая знаменитую коллекцию скульптурных изображений из Парфенона (*the Parthenon Marbles* или *the Elgin Marbles*), привезенную из Греции лордом Элгином (Элджином) в период с 1799 по 1803 г. и купленную у него английским правительством для музея в 1816 г. Раньше в здании музея также располагалась Британская библиотека, а ее знаменитый Круглый читальный зал был вторым домом любому исследователю. Как писала В. Вулф в «Своей комнате», «...человек, встав под громадный музейный купол, чувствует себя ничтожной мыслью в гигантском лбу, обвитом пышной вязью прославленных имен» [там же: 475]. В романе «Комната Джейкоба» находим: «Совсем недавно рабочие покрыли золотом последнюю букву в имени лорда Маколея, и имена под сводом Британского музея сомкнулись в кольцо. Под ними, довольно далеко внизу, у спиц огромного колеса, сидели сотни живых людей, превращая печатные тексты в рукописные; они иногда поднимались, чтобы справиться в каталоге, и крадучись возвращались на свои места» [Вулф 1991]. В этой святой святых Джейкоб Фландерс сверяет издания драматурга елизаветинской эпохи Кристофера Марло: «Но что заставило Джейкоба Фландерса читать в Британском музее Марло? Юность, юность, в чем-то неистовая, в чем-то педантичная. Вот, например, существует мистер Мейсфилд, существует мистер Беннет. Да затолкать их в пламя Марло и сжечь там дотла. Чтоб ни клочка не осталось¹⁵. Не возиться с посредственностями. Возненавидеть свое время. Создать

лучшее. И для осуществления этой цели читать друзьям невыносимо скучные статьи о Марло. Для чего и требуется сличать издания в Британском музее. И сделать это надо самому. Нельзя же доверять викторианцам, которые выхолащивают самую суть, или нынешним – эти просто газетчики, и больше ничего» [там же]. После того как в 1997 г. библиотека переехала на новое место на границе Блумсбери, Круглый читальный зал стал использоваться как центр посетителей.

Покинув музей через задний выход на Монтегю-плейс (*Montagu Place*), сразу повернем налево, перейдем Гауэр-стрит (*Gower Street*) и остановимся у дома № 44 на Бедфорд-сквер (*Bedford Square*), где леди Оттолайн Моррелл (*Ottoline Morrell*) держала литературный и художественный салон (кстати, на табличке о ней написано «Literary Hostess and Patron of the Arts»). Она регулярно принимала у себя членов кружка «Блумсбери» и покровительствовала многим из них; среди ее близких друзей были Огастес Джон¹⁶, Бертран Рассел и Роджер Фрай¹⁷. По воспоминаниям В. Вулф в «Старом Блумсбери», дом на Бедфорд-сквер был всегда «полон блеска и иллюзий» [Woolf 1976b: 163].

По другую сторону Монтегю-плейс находится Рассел-сквер (*Russell Square*). В дальнем конце этой площади в гостинице «Отель-Рассел», построенной в стиле викторианской готики, есть паб под названием «Вирджиния Вулф». От Рассел-сквер пойдем по Бедфорд-уэй (*Bedford Way*), а затем повернем налево в сторону Торрингтон-плейс (*Torrington Place*). Так мы окажемся на Гордон-сквер, где в доме № 46 сформировался кружок «Блумсбери». Тоби Стивен начал проводить здесь знаменитые вечера по четвергам, гостями на которых были Литтон Стрэчи, Дезмонд МакКарти¹⁸, Сэксон Сидни-Тернер¹⁹ и Клайв Бэлл. Позже к кружку присоединились Джон Мейнард Кейнс, Дункан Грант²⁰ и Роджер Фрай. В этом же доме сестра Вирджинии Ванесса, увлекавшаяся живописью, организовала «Клуб по пятницам» (*Friday Club*), на «заседаниях» которого обсуждалось все новое в искусстве. Как пишет В. Вулф в «Старом Блумсбери», «нас переполняло желание экспериментировать и все реформировать. Мы собирались отказаться от столовых салфеток, <...> мы хотели рисовать и писать стихи, а вместо девятичасового чая пить после ужина кофе. Все должно было стать новым, все должно было стать другим. Все подвергалось сомнению» [ibid.].

В 1906 г. Тоби Вулф умер от брюшного тифа. На следующий год Ванесса вышла замуж за Клайва Бэлла, и к ним перешли права аренды на

дом №46 по Гордон-сквер. Через некоторое время вместе с ними стал жить Дж.М. Кейнс.

В 1930-е гг. Дж. М. Кейнс со своей женой Лидией Васильевной Лопуховой, русской балериной, сняли дом №47 по Гордон-сквер и соединили второй этаж с домом №46, благодаря чему встречи кружка «Блумсбери» стали происходить в более просторной обстановке.

До замужества с Дж. М. Кейнсом Л. Лопухова снимала комнаты в доме №41, в котором жили Литтон Стрэчи, его возлюбленная художница Дора Каррингтон и ее муж Ральф Партридж.

Клайв и Ванесса Бэлл несколько раз снимали дом №50 по Гордон-сквер. Одно время в нем также жили Адриан Стивен со своей женой Карин Костеллоу, оба психиатры по профессии. В доме же №51 некоторое время жил Литтон Стрэчи.

В садике на Гордон-сквер можно спокойно посидеть и окунуться в атмосферу старого Блумсбери: время в нем течет незаметно. «Вчера около полутора часов просидела на Гордон-сквер, лениво беседуя с Мейнардом», – запишет В. Вулф в своем дневнике 26 мая 1921 г. [Вулф 2009: 67] Они обсуждали проблему общественного признания и того, почему все его так жаждут. Они также пытались выяснить, зачем Кейнсу позерство на вершине успеха?

Покидая Гордон-сквер, повернем налево на улицу Торрингтон-плейс, которая выведет нас на Тэвисток-сквер (*Tavistock Square*). На месте дома №52, в который в начале 1924 г. из Ричмонда переехали Вирджиния и Леонард Вулф с издательством «Хогарт-пресс» и в котором они жили до 1939 г., теперь стоит гостиница «Тэвисток-отель» (*Tavistock Hotel*). Дом был разрушен во время бомбежек в 1940 г.

Блумсбери в те годы был уже не просто районом, а состоянием ума. Для В. Вулф он был еще синонимом культуры. В своем дневнике она записала: «Весь Лондон – Лондон, который жемчужина короны, сокровенное сокровище, кладовая шуток, музыки, бесед, дружбы, чего-то невыразимого, Лондон с его пейзажами, издательствами – все это теперь у меня под боком, впервые с августа 1913 года» (цит. по: [Брэдбери 2002: 262]).

К юго-востоку от Тэвисток-сквер расположены две другие площади, с которыми связана биография В. Вулф. Это Бранзик-сквер (*Brunswick Square*), где она жила в 1911–1912 гг. с Кейнсом, Грантом и Леонардом Вулфом до замужества, и Мекленбург-сквер (*Mecklenburgh Square*), последнее место жительства семьи Вулф в Лондоне. Однако с того времени обе площади были сильно перестроены.

Вернемся на Гордон-сквер и, обогнув Университетский колледж справа, выйдем на Гауэр-стрит (*Gower Street*), которая является продолжением Блумсбери-стрит. Дойдя до пересечения Гауэр-стрит с Грэфтон-уэй (*Grafton Way*), повернем направо, пересечем Тоттнэм-корт-роуд (*Tottenham Court Road*) и пройдем до Фицрой-сквер (*Fitzroy Square*).

В истории кружка Блумсбери площадь Фицрой-сквер по важности уступает только Гордон-сквер. Фицрой-сквер представляет собой круг в квадрате: так она была задумана Робертом Адамом. Однако дома постройки XVIII в. на площади сильно обветшали, к тому времени как в 1907 г. Вирджиния и Адриан сняли на ней дом №29, оставив дом на Гордон-сквер Ванессе и Клайву Бэллу. На табличке на №29 можно прочитать, что с 1887 по 1898 г. в нем жил Б. Шоу со своей матерью.

На новом месте В. Вулф возобновила вечера по четвергам. Число их участников возросло. В частности, к кружку Блумсбери присоединился писатель и критик Эдвард Морган Форстер. В доме №29 В. Вулф начала писать свой первый роман «Путешествие вовне» (*The Voyage Out*, 1915). С 1908 по 1911 г. в этом доме снимал комнаты Дж. М. Кейнс.

В 1913 г. в доме № 33 по Фицрой-сквер Р. Фрай основал студию декоративного искусства «Омега» (*Omega Workshops*). Позиция этого объединения изложена Фраем в предисловии к каталогу созданных в студии произведений: «Художник – это человек, который творит не только в силу необходимости, но и ко всеобщей радости, и в будущем люди не смогут быть до конца счастливыми, не разделив эту радость, которая им передается от обладания произведениями искусства, какими бы простыми и незначительными они ни были» (цит. по: [Shone 1999: xiv]). Самыми активными участниками были Дункан Грант и Ванесса Бэлл, которая, кроме всего прочего, разработала интерьер студии, специально задуманный так, чтобы вызывались положительные эстетические эмоции.

Есть два варианта того, как можно завершить эту прогулку. Если от Фицрой-сквер пойти по улице Фицрой-стрит на север, а затем свернуть налево на Юстон-роуд, то она выведет нас к Риджентс-парку (находящемуся за пределами Блумсбери), где так любила гулять В. Вулф и описаниям которого уделено значительное место в романе «Миссис Дэллоуэй»: «[Септимус Смит] увидел перед собой Риджентс-Парк. Длинные полотнища света льнули к его ногам. Деревья колыхались, шатались; мы рады, будто говорил мир; мы согласны; мы создаем; создаем красоту, будто говорил мир. <...> Какая радость – видеть

бьющийся на ветру листок. <...> Красота – вот что есть истина. И красота – всюду» [Вулф 1989].

Однако более логичным завершением прогулки по Блумсбери будет пойти по Юстон-роуд не налево, а направо, чтобы выйти к новому комплексу Британской библиотеки, который граничит с вокзалом Сэйнт-Пэнкрэс (*St Pancras Railway Station*), возведенным в стиле викторианской готики. Библиотека строилась 36 лет и представляет собой яркий образец постмодернистской эстетики. Своими достаточно низкими зданиями комплекс напоминает Запретный город в Пекине, а бронзовая скульптура Исаака Ньютона на центральном дворе отлита в броской, пластичной, ультрасовременной форме (тем не менее ее автор, шотландский скульптор Эдуардо Паолоцци (1924–2005), взял за основу раскрашенный эстамп У. Блейка 1795 г.).

В находящемся в библиотеке Национальном звуковом архиве можно послушать записи великих литераторов, которые читают свои произведения. У. Б. Йейтс декламирует «Озерный остров Иннисфри», «Кул-Парк» и «Бэллили», Дж. Джойс своим приятным тенором с раскатыстыми «р» читает «Эола» из «Улисса» и часть «Поминок по Финнегану», а В. Вулф безучастным голосом²¹ читает для Би-би-си²² эссе «Мастерство» (*Craftsmanship*, написано в 1937 г.) из серии «Слова меня подводят» (*Words Fail Me*) о мастерстве писателя, точнее, об искусстве и особенностях употребления слов.

Наушники для прослушивания записей Дж. Джойса и В. Вулф специально расположены рядом: два великих писателя-модерниста были своего рода антагонистами. Отдавая должное в своих статьях новому искусству Джойса, Вирджиния и Леонард Вулф не издавали его произведений в «Хогарт-Пресс». По их мнению, «Улисс» был слишком откровенен, слишком дерзок, слишком обличителен, а потому и малопростоен. Хотя В. Вулф и ратовала за новую форму и новое содержание, она не забывала некоторые вполне традиционные ограничения и не упускала из виду нравственный аспект искусства. Невозможно не вспомнить то презрение, с которым В. Вулф встретила публикацию «Улисса». В своем дневнике 16 августа 1922 г. она охарактеризовала роман следующим образом: «... была удивлена, вдохновлена, очарована, заинтересована первыми двумя-тремя главами <...>, а потом удивлена, утомлена, раздражена и разочарована бесконечным подростковым расчесыванием прыщей. <...> Неграмотная грубая книга, <...> книга бедного самоучки, а мы все знаем, какие они печальные, какие эгоистичные, напористые, грубые, страшные и в высшей степени тошнотвор-

ные» [Вулф 2009: 80–81]. Казалось бы, пропасть между Блумсбери и северным Дублином будет непреодолимой, но в 1925 г. в эссе «Современная литература» из серии «Обыкновенный читатель» Вулф напишет: «...самый заметный из них [молодых писателей] – м-р Джеймс Джойс <...>. Они не боятся взглянуть жизни в глаза и с предельной точностью и искренностью описать то, что их заинтересовало, задело, и, если приходится жертвовать какими-то литературными условностями, их это не смущает. Так будем же смелее записывать все, что западает в душу, – все до последнего атома, в точной последовательности! И да не убоится рука свободно набрасывать те внешне бессвязные, лишённые смысла письма, которые запечатлеваются в сознании с каждой увиденной картиной, с каждым эпизодом. <...> в одном можно не сомневаться: его [Джойса] намерения предельно искренни и, каким бы сложным и неприятным ни был результат, его значимость беспорна» [Вулф 2012б: 120–121].

Прогулка третья. Вслед за миссис Дэллоуэй (Станция метро «Вестминстер»)

«Я люблю бродить по Лондону. Нет, правда. Больше даже, чем по полям», – говорит миссис Дэллоуэй в одноименном романе²³ [Вулф 1989]. У нее есть на то причины: Лондон в книге – это столица великой империи, сохранившаяся после войны²⁴, это город, богатый прошлым и историей, город величественной архитектуры и военных парадов, город роскоши, красоты и изящества, город властный, царственный, надменно гордый²⁵. Можно долго спорить, в каком романе Лондон играет более значительную роль – «Миссис Дэллоуэй» или «Годы». Но в каждом из них судьба героев неразрывно связана с топографией города, а их социальное положение определяется тем, где они живут и по каким маршрутам ходят. В «Миссис Дэллоуэй» действие разворачивается на протяжении одного июньского дня 1923 г.²⁶, и изучить всю топографию романа представляется возможным за одну прогулку: городское пространство в книге очень ограничено (в «Улиссе» Джойса действие тоже разворачивается на протяжении одного дня, но там более сложная топография).

Итак, мир миссис Дэллоуэй сосредоточен в престижных районах. Вестминстер SW1 символизирует монархию, власть и политику, а Мейфер – богатство и высшее общество. Герои романа, которые не принадлежат к кругу миссис Дэллоуэй, живут в удаленных от центра районах. Септимус Смит выбрасывается из окна квартиры на Тоттнем-корт-роуд в Блумсбери. Питер Уолш, когда-то отвергнутый Клариссой, возвращается из Индии и тоже находит себе жилье в Блумсбе-

ри. Когда дочь миссис Дэллоуэй Элизабет садится в автобус на Виктория-стрит (*Victoria Street*) и едет по Уайтхоллу (*Whitehall*) и Стрэнду (*the Strand*) до Чансери-лэйн (*Chancery Lane*), она испытывает захватывающее чувство свободы и некоторый страх перед неизведанным: «Она посмотрела вдоль Флит-стрит. Немножко прошла к собору Святого Павла; она шла с опаской, будто забралась среди ночи в чужое жильё и пробирается на цыпочках, со свечой и дрожит, что вот-вот хозяин громыхнет дверью спальни и огреет вопросом, чего ей тут надо; она не давала себя сманить странным закоулочкам, зазывным поворотам, как не стала бы толкать чужой двери, чтоб не вломиться ненароком в спальню, гостиную или, того гляди, в кладовую. Дэллоуэй на Стрэнде – залетная птица. Она была лазутчица, отбившаяся от своих, и шла на авось, наобум» [Вулф 1989].

Поскольку роман начинается и заканчивается в доме миссис Дэллоуэй в Вестминстере, начнем нашу прогулку от станции метро с таким же названием, расположенную рядом с Парламент-сквер (*Parliament Square*). Слева от станции находятся здания парламента Великобритании (муж Клариссы Ричард Дэллоуэй состоит в партии консерваторов и заседает в палате общин) и часовая башня с Биг-Беном – колоколом, отсчитывающим ритм Лондона и всего этого романа о Лондоне. Бой Биг-Бена сопровождает действия героев и служит фоном их переживаний. Как отмечает Е. Ю. Гениева, это слуховой образ-лейтмотив, специальный прием, помогающий читателю «двигаться» сквозь описываемый июньский день и позволяющий автору «переключаться» между героями. «Бой Биг-Бена играет роль своеобразных «стяжек» в цементировании структуры романа» [Гениева 1984а: 316]: «Бой Биг-Бена плыл над северной частью Лондона, сплавлялся с боем других часов, нездешне и нежно смешивался с облаками и с ключьями дыма и летел вдаль, к чайкам» [Вулф 1989].

Приведем три примера того, как под бой Биг-Бена повествование «переключается» на другого персонажа (Кларисса – Питер Уолш – Ричард Дэллоуэй): «Вот! Гудит. Сперва мелодично – вступление; потом непременно – час. Свинцовые круги побежали по воздуху. Какие же мы все дураки, думала она [Кларисса], переходя Виктория-стрит. Господи, и за что все это так любишь, так видишь и постоянно сочиняешь, городишь, ломаешь, ежесекундно строишь опять...» [там же]; «Мой прием не забудь, мой прием не забудь, повторял Питер Уолш, выходя на улицу, повторял, скандируя, в лад отвесно текущим звукам Биг-Бена, отбивающего полчаса. (Свинцовые круги разбегались по воздуху)» [там же]; «Биг-Бен вы-

бил: сперва мелодично – вступление; и затем непременно – час. Эти ленчи в гостях разбивают весь день, думал он [Ричард Дэллоуэй], подходя к своей двери» [там же].

К югу от Парламент-сквер расположено Вестминстерское аббатство. Со стороны его западного фасада через арку можно пройти на Динз-йард (*Dean's Yard*)²⁷. В. Вулф точно не называет адрес семьи Дэллоуэй, однако указывает на то, что, направляясь домой, Ричард входит на Динз-йард. Первый дом по Динз-йард – это безупречный особняк в георгианском стиле. Вполне можно представить, как туда на вечер к миссис Дэллоуэй приезжает премьер-министр. Однако, основываясь на наблюдении Питера Уолша, которое он делает, подъезжая к дому Клариссы, можно заключить, что она живет на улице Грэйт-колледж-стрит (*Great College Street*) за пределами Динз-йард: «Но это ведь ее уже улица, Клариссина улица; машины обтекали угол, как вода обтекает сваи моста, – сплошной лентой, потому, наверное, что спешили на прием, на Клариссин прием» [там же]. К дому миссис Дэллоуэй подъезжают экипажи, и это исключает возможность его расположения в таком замкнутом пространстве, как Динз-йард.

В самом начале романа, утром, миссис Дэллоуэй выходит из дома, чтобы купить цветы для своего приема. Она переходит через улицу Виктория-стрит и направляется к Сент-джеймскому парку. Позже днем ее дочь Элизабет и миссис Килман будут покупать последней юбку и пить чай в универсальном магазине «Арми-энд-нейви» (*Army & Navy Store*), находящемся выше по Виктория-стрит. Этот магазин существует и по сей день.

С Виктория-стрит Кларисса выходит на улицу Бэрдкейдж-уок (*Birdcage Walk*), лежащую с южной стороны парка Сент-Джеймс. Там она встречает своего старого друга Хью Уитбрэда, который шествует на фоне правительственных зданий, держа под мышкой папку с королевским гербом. Очевидно, он идет с улицы Хорс-гардз-роуд (*Horse Guards' Road*) и направляется в Букингемский дворец: ведь у него там должность при дворе.

Кларисса и Хью обмениваются любезностями и расходятся: изысканно помахав шляпой, он спешит дальше во дворец, а она заходит в парк и предаётся размышлениям о том, правильно ли она сделала, что не вышла замуж за Питера Уолша. Из Сент-Джеймского парка она идет в примыкающий Грин-парк и выходит на Пиккадилли (*Piccadilly*): «Она дошла до ворот парка. Постояла минутку, поглядела на катившие по Пиккадилли автобусы» [Вулф 1989]. Миссис Дэллоуэй поворачивает направо и направляется

на Бонд-стрит, в самое сердце Мейфера. Она останавливается в задумчивости, глядя на витрину книжного магазина Хэтчарда (*Hatchard's Bookshop*).

Сама В. Вулф, страстный любитель книг, могла проводить целые дни в книжных магазинах, благо Лондон – это рай для библиофила. К сожалению, многие магазины ее времен исчезли, в частности, целая серия живописных магазинчиков на Чэринг-кросс-роуд (*Charing Cross Road*). Однако «Хэтчардс» вот уже более 80 лет стоит на своем месте.

Миссис Дэллоуэй переходит на другую сторону Пиккадилли и входит на Бонд-Стрит (*Bond Street*): «Ей страшно нравилась Бонд-стрит; Бонд-стрит ранним утром в июне; флаги веют; магазины; ни помпы, ни мишуры; один-единешенек рулон твида в магазине, где папа пятьдесят лет подряд заказывал костюмы; немного жемчуга; семга на льду» [Вулф 1989].

Покупая цветы в магазине Малбери (сейчас его не существует), Кларисса слышит звук, похожий на пистолетный выстрел, причиной которого является автомобиль, который везет какое-то важное лицо. Она выходит из магазина и никак не может пройти через перекресток улиц Нью-Бонд-стрит (*New Bond Street*) и Брук-стрит (*Brook Street*). Там образовался затор, и в нем стоит этот автомобиль, в котором, по предположению миссис Дэллоуэй, едет королева. Кларисса негодует: «И чтобы королеву задерживали, чтобы королеве не давали проехать! Кларисса застряла по одну сторону Брук-стрит; сэр Джон Бакхэст, старый судья, – по другую, и тот автомобиль был как раз между ними» [там же].

Времени пол-одиннадцатого, и через два часа муж Клариссы Ричард Дэллоуэй и Хью Уитбред придут на Брук-стрит на ленч к леди Брун²⁸. На время мы теряем Клариссу из виду, а автомобиль королевы едет дальше в южную часть Лондона: «Автомобиль же пересек Пиккадилли и свернул на Сент-Джеймс-стрит. Рослые господа, осанистые господа, элегантные господа во фраках и белых галстуках, господа с гладко зачесанными волосами и с трудно определимыми целями стоявшие в оконной нише «Брукса»²⁹, поддев сзади хвосты своих фраков и глядя на улицу, угадали душой, что мимо скользит слава Англии ...» [там же]. Мужчины больше не носят фраков с «хвостами», но «Брукс» (*Brooks's*) по-прежнему стоит на своем месте. Это солидное здание в георгианском стиле, расположенное в престижном районе Сент-Джеймс, который, прежде всего, ассоциируется с мужскими клубами, дорогими портными и магазинами аксессуаров, а также с резиденцией наследника на престол: «Меж тем у ворот Букингемского дворца собралась кучка

народа. <...> Принц жил в Сент-Джеймском дворце, но почему б ему утром не наведаться к матери?» [там же]. На площади Сент-Джеймсквер находится Лондонская библиотека, попечителем которой состояла В. Вулф.

Описанным маршрутом ограничивается лондонский мир миссис Дэллоуэй. Однако можно проследить маршруты других героев романа. Питер Уолш совершает долгую прогулку по Уайтхоллу, доходит до Хеймаркета (*Haymarket*), движется в направлении Риджент-стрит (*Regent Street*), входит в Риджентс-парк (*Regent's Park*) и, увидев там Септимуса и Лукрецию Смит, размышляет: «Что мог ей сказать этот молодой человек в пальто, чем довел он ее до отчаяния? Что у них, у бедняжек, стряслось? Оба такие потерянные, и в такое дивное утро?» [Вулф 1989] Вечером, направляясь на прием к Клариссе, он идет от Рассел-сквер к дому Дэллоуэйев в Вестминстере.

После ленча с леди Брун Ричард Дэллоуэй возвращается домой по Кондуит-стрит (*Conduit Street*) и, в какой-то степени повторяя утренний путь Клариссы, пересекает Пиккадилли и идет по Грин-парку.

Хотя границы Лондона В. Вулф значительно сужены по сравнению с размахом Джойса в «Улиссе», город в «Миссис Дэллоуэй» предстает в самых различных ипостасях.

Лондон – сердце цивилизованного мира:

Вернувшись из Индии в Англию, Питер Уолш гуляет по Риджентс-Парку: «Никогда еще не видел он Лондон таким привлекательным – тающие дали; роскошь; зелень; цивилизация – да, после Индии, думал он, ступая по траве» [там же]. И далее в романе: «Цивилизация. Когда приедешь с Востока, в Лондоне поражает прежде всего деловитость, собранность, дух солидарности» [там же]. Пробираясь по лондонским улочкам вслед за девушкой, привлечшей его внимание в толпе, он размышляет: «Великолепное, в сущности, достижение – Лондон, летом особенно; цивилизация, да. Происходя из почтенной англо-индийской семьи, по крайней мере три поколения которой ведали делами Индии <...>, минутами он ценил цивилизацию – даже в таких ее проявлениях – как свою собственность. На него находило, и тогда он гордился Англией³⁰; двоюродными, чау-чау, недостижимыми девицами»³¹ [там же].

Лондон – источник жизненной энергии: «Июнь выпятил каждый листок на деревьях. Матери Пимлико кормили грудью младенцев. От флота в Адмиралтейство поступали известия. Арлингтон-стрит и Пиккадилли заряжали воздух парка и заражали горячую, лоснящуюся листву дивным оживлением, которое так любила Кла-

рисса. Танцы, верховая езда – она когда-то любила все это» [Вулф 1989].

Лондон – нечто постоянное; осознание принадлежности к нему помогает жить: «... но каким-то образом, на лондонских улицах, в мчащемся гуле она останется, и Питер останется, они будут жить друг в друге, ведь часть ее – она убеждена – есть в родных деревьях; в домете, стоящем там, среди них, разбросанном и разваленном, в людях, которых она никогда не встречала, и она туманом лежит меж самыми близкими, и они поднимают ее на ветвях, как деревья, она видела, на ветвях поднимают туман, но как далеко-далеко растекается ее жизнь, она сама»³² [там же].

Прогулка четвертая. Ричмонд (метро: линия до Ричмонда; поезд Ватерлоо-Ричмонд)

«Я решила поехать в Лондон, чтобы услышать гул Стрэнда, чего, я полагаю, хочется каждому после дня или двух в Ричмонде. Его как-то не получается воспринимать всерьез. Сюда всегда приезжали только погулять и развеяться, и это часть его очарования, но иногда ведь нужно пожить и серьезной жизнью» [Woolf 1979: 28–29], – записала В. Вулф в своем дневнике 28 января 1915 г.

Писательница прожила на Гордон-сквер в Блумсбери вплоть до 1912 г., в котором она вышла замуж за журналиста и писателя Леонарда Вулфа. Сразу после свадьбы они поселились в здании Клиффордс-инн (*Clifford's Inn*) на Феттер-лейн (*Fetter Lane*) рядом со Стрэндом. Но в 1913 г. у Вирджинии случился кризис: девятого сентября она пыталась покончить с собой. Было решено сменить обстановку, и семья переехала в Ричмонд (*Richmond*), который в то время был отдельным небольшим городом и не входил в состав Большого Лондона. Поэтому к обратному адресу на своих письмах из Ричмонда В. Вулф всегда добавляла «Суррей».

Если от станции мы поднимаемся по холму через деловой район, то вскоре придем к дому №17 в Ричмонд-грин (*Richmond Green*), первому адресу Вулфов в пригороде. Место они выбрали прекрасное: большие газоны с изумрудной травой, аллеи с магазинами и жилой квартал с воротами в тюдоровском стиле, соседствующий с дворцом Генри VIII. Открывающийся с холма Ричмонд-хилл вид У. Тернер запечатлел на картине «Ричмонд-хилл, празднование дня рождения принца-регента» (1819, галерея Тейт) и на ряде других полотен.

В марте 1915 г. Вирджиния и Леонард Вулф переехали в Хогарт-хаус (*Hogarth House*) на Паррадайс-роуд (*Paradise Road*), находящийся в нескольких минутах ходьбы от Ричмонд-хай-стрит

(*Richmond High Street*). Именно этот дом, выстроенный в георгианском стиле, половину которого Вулфы снимали до 1924 г., дал название издательству «Хогарт-Пресс», основанному в 1917 г. В подвале дома Вулфы прятались во время налетов немецкой авиации в Первую мировую войну. Потом там поставили печатный станок, и в 1923 г. Вирджиния вместе с Леонардом делала типографский набор поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

Из задних окон дома виден парк Кью-гарденс (*Kew Gardens*), излюбленное место прогулок В. Вулф и место действия ее одноименного рассказа, написанного в 1919 г. В этом рассказе Вулф впервые применила метод «исследований сознания» (*probings of the mind*), и он стал первым произведением, которое принесло издательству прибыль.

Прогулкой по Ричмонду исчерпывается наше знакомство с Лондоном В. Вулф. Совершенные четыре прогулки, без сомнения, свидетельствуют о том, что через Лондон, топографию его улиц раскрываются биография и творчество писательницы. С другой стороны, в контексте этого творчества топонимы приобретают новые значения, т.е. ассоциативные ряды, которые могут ими эвоцироваться, расширяются, а в составе лондонского текста появляются новые признаки. Литературные топонимы являются важными конституирующими элементами лондонского текста, поскольку влекут за собой цепочки ассоциаций и актуализируют признаки, не свойственные «онтологически реальному» Лондону, но осознаваемые образованными носителями языка. Творчество В. Вулф было выбрано потому, что ее произведения являются чрезвычайно показательными в плане раскрытия самых различных составляющих лондонского текста и что часть описанного ею Лондона сохранилась до наших дней, а также в связи с тем, что по взглядам и духу В. Вулф была глубоко «английской» писательницей.

Примечания

¹ Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) – английский экономист, автор теории государственного регулирования экономики; участник кружка «Блумсбери» (Биографические ссылки даются по: [Todd 1999]).

² Клайв Белл (1881–1964) – искусствовед, писатель и литературный критик; муж сестры В. Вулф Ванессы.

³ Кью-гарденс – королевский ботанический сад в западной части Лондона, основанный в 1759 г. В 1919 г. Вулф напишет рассказ «Кью-гарденс».

⁴ «The Ivy», престижный ресторан в Лондоне.

⁵ Первое действие «Пигмалиона» открывается следующей сценой: «Ковент-Гарден. 11:15 вечера. Лето. Проливной дождь. Со всех сторон отчаянные гудки автомобилей. Прохожие бегут к рынку и к церкви св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек. Среди них дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все мрачно взирают на потоки дождя...» [Шоу 1980: 211]. Пьеса была написана в 1912 г. и впервые поставлена в 1913 г. Ориентировочное время действия пьесы – конец нулевых и начало десятых годов. В романе Вулф «Годы» в главе «1910» Китти Лассуэйд едет в оперу «...английским весенним днем, достаточно ясным, но с неизменным лиловым облаком, которое может принести дождь» [Вулф 2005: 164]. Вечером она узнает о смерти Эдуарда VII, т.е. точное время действия – 6 мая 1910 г.

⁶ За неделю до начала Второй мировой войны английская писательница и поэтесса Вита Сэквилл-Уэст (1892–1962), близкая подруга Вирджинии, в письме своему мужу, известному дипломату и политическому деятелю Гарольду Николсону, написала следующие слова: «Только бы уехать из Лондона. От одной мысли о воздушных налетах мне делается дурно» [Nicolson 1971: 87]. Действительно, в последние месяцы, предшествующие вступлению Великобритании в войну, месяцы полные тревоги, несбывшихся надежд и чувства вины за подписанное Мюнхенское соглашение, многие англичане задумывались о судьбе Лондона, великого города империи, города богатого прошлым и историей, воплощения английского духа и сокровищницы английской культуры.

⁷ Перестройка города после колоссальных разрушений Второй мировой войны оказалась, согласно мнению подавляющего большинства, неудачной, и в результате нее многие районы Лондона приобрели серый безликий характер. По замечанию английского историка Э. Н. Уилсона, «разрушения, начатые Люфтваффой и с энтузиазмом продолженные двумя поколениями современных архитекторов, привели к тому, что облик довоенного Лондон безвозвратно ушел в прошлое, а старый Сити был, по сути, стерт с лица земли» [Wilson 2004: 11].

⁸ Так, хорошо известно, что М. Л. Лозинский, прежде чем приступить к переводу какого-либо литературного произведения, подробно изучал связанную с ним топографию.

⁹ Между сэром Лесли Стивенсом и полковником Эйбелом Парджитером существуют некоторые аналогии: оба отличались некоторым деспотизмом в семейном кругу.

¹⁰ Ср. прогулку Мартина и Сары Парджитер в Кенсингтон-Гарденс («Годы», глава «1914»):

«Они молча пошли под руку по длинной аллее, в конце которой виднелись дворец и призрачная церковь. Было впечатление, будто нормальный человеческий рост вдруг уменьшился: теперь вокруг было больше детей, чем взрослых» [Вулф 2005: 248].

¹¹ Имеется в виду вход в парк у Гайд-парк-корнер, с другого конца Роттен-роу (со стороны Парк-лейн).

¹² Скорее всего, имеется в виду церковь аббатства Св. Марии.

¹³ Ср. в «Старом Блумсбери»: «Блумсбери бесконечно интереснее Кенсингтона» [Woolf 1976b: 163].

¹⁴ Литтон Стрэчи (1880–1932) – английский писатель и литературный критик, один из основателей кружка «Блумсбери».

¹⁵ Джон Мейсфилд (1878–1967), Арнолд Беннет (1867–1931) – английские писатели-реалисты. В. Вулф, как известно, не принимала принципов реализма.

¹⁶ Огастес Эдвин Джон (1878–1961) – английский живописец, портретист.

¹⁷ Роджер Фрай (1866–1934) – английский искусствовед и художник, одна из ключевых фигур в кружке «Блумсбери».

¹⁸ Дезмонд МакКарти (1877–1952) – искусствовед, литературный критик; в Кембридже был близким другом философа Дж. Э. Мура, чья работа «Principia Ethica» оказала значительное влияние на эстетические взгляды блумсберийцев.

¹⁹ Сэксон Сидни-Гернер (1880–1962) – выпускник Кембриджа, одна из ключевых фигур в кружке Блумсбери.

²⁰ Дункан Джемс Грант (1885–1978) – английский художник и декоратор.

²¹ Племянник В. Вулф Квентин Бэлл пишет в ее биографии: «... запись настолько плоха, что не представляет никакой ценности для будущих поколений. Голос Вирджинии лишен глубины и резонанса, записан он слишком быстро, звучит плоско, и узнать его можно с трудом. На самом деле у нее был очень красивый голос – правда, не такой красивый, как у Ванессы, – и очень жаль, что он не был увековечен в лучшем качестве» [Bell 1972: 193].

²² Передача вышла 29 апреля 1937 г.

²³ Практически те же слова произносит Элинора в романе «Годы» (глава «1917»): «Я люблю ходить по Лондону» [Вулф 2005: 305].

²⁴ В «Миссис Дэллоуэй» над Лондоном, как и во время войны, кружат аэропланы, только теперь они рекламируют ириски.

²⁵ Однако в «Миссис Дэллоуэй» Лондон может концептуализироваться как враждебное пространство, подавляющее человеческую личность. Вулф пишет об унылых полуподвальных кварти-

рах с решетками на окнах. В одной из них влачит жалкое существование Септимус Смит, жертва Первой мировой.

²⁶ Эта временная и пространственная фиксация подчеркивает нелинейность повествования, в котором шум города и краски лондонских улиц, площадей, парков сливаются с пейзажами – воспоминаниями давно ушедшей молодости. Кларисса идет по улицам летнего Лондона, а в ее сознании разворачивается непрерывная череда мыслей-образов, в которых не существует границ между прошлым и настоящим, сиюминутными событиями и воспоминаниями. Как отмечает Е. Ю. Гениева, «движение мысли писательницы идет от сиюминутного к вечному», а «июньский день, оживающий во всем блеске красок и ощущений на страницах «Миссис Дэллоуэй», вбирает всю жизнь» [Гениева 1984б: 24].

²⁷ Букв. «Двор настоятеля собора».

²⁸ Возможно, созвучие «Уитбрэд – Брук – Брутон» не случайно: Хью Уитбрэд и леди Брутон – это воплощения городской жизни.

²⁹ В других редакциях *White's* – старейший лондонский клуб консерваторов.

³⁰ Литературный кружок «Блумсбери», к которому принадлежала В. Вулф, было объединение очень английское по духу и нередко империалистическое по взглядам [Rosenbaum 1995: 57].

³¹ Ср. в романе «Волны»: «Меж тем мы приближаемся к центру цивилизованного человечества. Вот и знакомые газометры. Оплетенные асфальтовыми лентами парки. <...> Поезд потягивается, медлит, мы приближаемся к Лондону, к центру; а сердце во мне тронулось и покатилося – от страха, от радости. Меня ждет здесь – что меня ждет? Какая неожиданная радость подстерегает меня среди почтовых вагонов, носильщиков, толп, осаждающих такси? Я вдруг становлюсь потерянным, крошечным и – ликую» [Вулф 2006а: 85]; «...в самом центре Лондона. Несчетные колеса шуршат, ноги топают прямо у меня над головой. Великие проспекты цивилизации встречаются тут и разбегаются по своим делам. Я в самом центре жизни» [там же: 148].

³² В романе «Комната Джейкоба» (1920) с Лондоном связан прямо-таки экклезиастский мотив «Лондона, пребывающего вовеки»: жизнь героя обрывается (он убит на войне), и его пустая комната становится символом смерти, в то время как за окнами, как и прежде, продолжается суэта обычной лондонской жизни. В повести «Флаш» символом стабильности и нерушимости цивилизации выступает Уимпол-стрит в Лондоне. С долей иронии Вулф пишет в первой главе: «Уимпол-стрит. Из лондонских улиц она самая величавая, самая невозмутимая. Право, едва вам

покажется, будто мир вот-вот рухнет и, чего доброго, пошатнется цивилизация, скорее идите на Уимпол-стрит; прогуляйтесь по этой улице; взгляните в эти дома; подумайте об их неразличимости; насладитесь неколебимостью гардин; полюбуйтесь нерушимым, медноблестящим порядком дверных колец <...>. ... Коринф вот погиб и рухнула Мессина, миновали царства и распались древние империи, а Уимпол-стрит стоит на месте <...> покуда стоит Уимпол-стрит, цивилизации ничто не угрожает» [Вулф 2006б: 241–242].

Список литературы

Анциферов Н. П. Душа Петербурга. М.: Книга, 1991 [репринт с СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922]. 249 с.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Бочкарев А. Е. Семантический словарь. Н. Новгород: Деком, 2003. 200 с.

Брэдбери М. Вирджиния Вулф / пер. с англ. А. Нестерова // Иностранная литература. 2002. №12. С. 255–271.

Вулф В. Волны // Волны. Флаш / пер. с англ. Е. Суриц. СПб.: Азбука-классика, 2006а. С. 5–230.

Вулф В. Годы / пер. с англ. А. Осокина. М.: Текст, 2005. 445 с.

Вулф В. Дневник писательницы / пер. с англ. Л. И. Володарской. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009. 480 с.

Вулф В. Комната Джейкоба / пер. с англ. М.П. Карп // Иностранная литература. 1991. №9. URL: <http://www.bookfb2.ru/?p=338130> (дата обращения: 02.02.2014).

Вулф В. Миссис Дэллоуэй // Избранное / пер. с англ. Е. Суриц. М.: Худож. лит., 1989. URL: http://lib.ru/INPROZ/WULF_W/dalloway.txt (дата обращения: 02.02.2014).

Вулф В. Своя комната // Обыкновенный читатель / пер. с англ. Н. И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012а. С. 463–522.

Вулф В. Современная литература // Обыкновенный читатель / пер. с англ. Н. И. Рейнгольд. М.: Наука, 2012б. С. 117–123.

Вулф В. Флаш // Волны. Флаш / пер. с англ. Е. Суриц. СПб.: Азбука-классика, 2006б. С. 231–321.

Гениева Е. Ю. Комментарии / В. Вулф // Миссис Дэллоуэй. Эссе: сб. [на англ. яз.] / сост. Е. Ю. Гениева. М.: Радуга, 1984а. С. 311–319.

Гениева Е. Ю. Остановленное мгновение: Предисловие / В. Вулф. // Миссис Дэллоуэй. Эссе

се: сб. [на англ. яз.] / сост. Е. Ю. Гениева. М.: Радуга, 1984б. С. 7–30.

Гениева Е. Ю. Предисловие / В. Вулф // Комната Джейкоба. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 5–12.

Гревс И. М. К теории и практике «экскурсий». СПб.: Сенат. тип., 1910. 48 с.

Лихачев Д. С. Образ города и проблема исторической преемственности развития культур // Раздумья о России. СПб.: Logos, 2001. С. 552–570.

Шоу Дж. Б. Пигмалион: Роман-фантазия в пяти действиях // Полн. собр. пьес: в 6 т. / пер. с англ. П. Мелковой. Л.: Искусство, 1980. Т. 4. С. 205–304.

Bell Q. Virginia Woolf: A Biography. London: Hogarth Press, 1972. 230 p.

Nicolson H. Diaries 1930–39. Collins, 1966. 447 p.

Rosenbaum S. P. The Bloomsbury Group. Toronto: University of Toronto Press, 1995. 495 p.

Shone R. The Art of Bloomsbury: Roger Fry, Vanessa Bell and Duncan Grant. Princeton: Princeton University Press, 1999. 296 p.

Todd P. Bloomsbury at Home. London: Pavilion Books, 1999. 192 p.

Wilson A. N. London: A Short History. London: Phoenix, 2004. 166 p.

Woolf V. A Sketch of the Past // Moments of Being: Unpublished Autobiographical Writings. New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976a. P. 64–137.

Woolf V. Old Bloomsbury // Moments of Being: Unpublished Autobiographical Writings. New York and London: Harcourt Brace Jovanovich, 1976b. P. 159–179.

Woolf V. The Diary of Virginia Woolf. Vol. 1. 1915–1919 / A. O. Bell (ed.). N. Y.; L.: Harcourt Brace Jovanovich, 1979. 356 p.

FOLLOWING VIRGINIA WOOLF'S LONDON ROUTES. WALKS 1 AND 2

Alexey V. Sosnin

Reader of Foreign Languages Department

National Research University Higher School of Economics; Nizhny Novgorod Branch

Elena A. Sitnikova

Senior Lecturer of Foreign Languages Department

National Research University Higher School of Economics; Nizhny Novgorod Branch

Arranged in the form of a virtual excursion, the article acquaints the reader with the topography of Virginia Woolf's London – both with the real space directly related to her life and work, and with the literary space as it appears in her books. The “excursion” approach used in the article is based on the methodology of the Russian historians and city culture experts Ivan Grevs and Nikolai Antsiferov. The reader is invited to take four walks – around Kensington, Bloomsbury, following Mrs. Dalloway's London routes and around Richmond. In the course of the walks, an extensive literary, social and cultural context is provided. The article has been written within the scope of the authors' broader studies of the London text of English literature (the global super-textual entity, which includes all features of the constituent texts).

Key words: London; toponyms; Virginia Woolf; urban discourse.